

А.О. ПЕЧЕНЮК

(Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
Одесса, Украина)

УДК 811.161.1-1(Моргунов А.)

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)64-8,445

ДИАЛОГ ПОЭТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ АРТЕМА МОРГУНОВА С ЭСТЕТИКОЙ АВАНГАРДА

Аннотация. В данной статье рассматриваются поэтические поиски, эксперименты одного из современных авторов – Артема Моргунова. Выявляются и анализируются авангардные стратегии в лирике данного автора. Выбор для анализа стихотворения «Овал» обусловлен тем, что в нем наиболее проявлена преемственность поэта авангардной поэтике. В ходе анализа были выявлены поэтические стратегии и художественное своеобразие образной системы А. Моргунова с учетом доминантных показателей авангардной эстетики. Прослежены некоторые интертекстуальные переключки. Делается вывод о приоритетах поэтического мира А. Моргунова на основании проведенного анализа. На материале вышеуказанного стихотворения предпринимается попытка выявить общую тенденцию в новейшей поэзии – ее преемственность традициям предшествующих поэтических направлений, которые обусловили специфику литературного процесса XX века, в том числе и эстетической парадигмы «исторического авангарда».

Ключевые слова: авангард, авангардная поэтика, исторический авангард, мифы, инспирация, поэтическое творчество, русская поэзия, русские поэты.

Современные авторы в своих поэтических поисках нередко обращаются к наработкам предшественников. Это проявляется в том числе и в наследовании эстетических стратегий так называемого исторического авангарда в лирике современных поэтов.

Для рассмотрения диалога поэтических экспериментов нашего современника Артема Моргунова с эстетикой авангарда наиболее показательным его стихотворением «Овал»:

Так устал произносить слова.
Жизнь не круг, не спираль, но овал.
Гнусными выдумками подлецов
Гнутое колесо.
Рваная прорисовка.
Битые пиксели.
Выставка! Выставка!
Как бы отсюда выплясать,
Не обидев бездарного портрети-
ста?
Я выдохнул или выдохся?
Высох ли? Вымахал?
Искусство маскировать корысть
В паутине салных банальностей.
Искал постоянства,
Но уже закрепился статус
Нежелательного постояльца.
Устал непрерывно скатываться,
Срывать, дичать под градусом.
Быть хаосом, сердце выпростав.
Я вывалюсь или выстою?

Прошедшее уж не выбелить.
Обманчива вечность выбора.
"Родиться рабом погибнуть", -
Решай же, где быть запятой.
Неважно сколько калибров,
Ведь каждый патрон – холостой.
Свобода хитра и скаредна.
Ощущай же, давай! Ощущай!
Дешевизну момента.
Всё это двухмерное великолепие.
По нему точно напишут реквием.
Самый трогательный и скорбный,
Ещё скормят его за дорого!"А ма-
ленькие часики смеются.."
И я сброшен в их ржавый гогот.
Метро двигатель революции,
Но, спустившись, я задохнулся.
Слова горло вспороли комом.
Меня месит ногами толпа.
Мне не встать, ведь я так устал.
Мне не встать, ведь я так устал,
Мне не встать, мне не встать...!

Слово воспринимается героем как материал, фундамент для строительства мира. Герой «устал произносить слова», следовательно, отсутствует и процесс творения жизни, так А. Моргунов в подтексте деформирует миф об Адаме, которому Господь дал возможность давать имена всему живому, быть творцом.

Жизнь моргуновского лирического героя в текущий момент времени не представляет собой нечто законченное и идеальное – круг, не представляет собой также спираль – символ генетического родства, что утверждает отсутствие связи с прошлым. В текущий момент времени картина мира хаотична: некогда она представляла собой идеальное (круг, колесо), теперь же это идеальное деформировано, погнуто, связи между отдельными его частями разорваны, целостная картина разбита, а сам он, в конечном счете, представляет из себя выставку, с одной стороны – «циркизированное» пространство, с другой – симулякр.

Выставка как модель мира близка цирковым коннотациям как основам универсума в историческом авангарде. В историческом авангарде осознается моделью мира цирк: происходит так называемая «цирки-

зация театра», то есть, согласно Ю. Н. Гирину, «эстетика театра деса-
крализуется, приближается к балаганно-зрелищной эстетике цирка, и
сам цирк приобретает онтологическую функцию коллективного дей-
ства» [Гирин 2013: 12]. «Циркизация» бытия А. Моргуновым стано-
вится моделью презентацию взгляда на мир современным поэтом.

Крупнейший польский русист Е. Фарино обращает внимание на
то, что обязательно «унаследованный мир со всеми накопленными
культурой его концептуализациями объявляется авангардом ошибоч-
ным и принципиально неприемлемым. В манифестах и декларациях
они [авангардисты] призывали разрушить его до самых основ-
ний» [Фарино]. Эта же особенность проявляется в моргуновском тек-
сте: унаследованный мир – «двухмерное великолепие», он неполноце-
нен: он – лишь выставка «бездарного портретиста», герой призывает
ощутить эту неполноценность, «дешевизну момента».

Тема пляски в «Овале» – аллюзия строк из стихотворения
М. Цветаевой «Да, вздохов обо мне – край непочатый...». Сопоставим
отрывки из данных текстов:

*Долг плясуна – не дрогнуть вдоль
каната.*

*Долг плясуна – забыть, что знал
когда-то*

Иное вещество,

*Чем воздух – под ногой своей кры-
латой!*

*Оставь его. Он – как и ты – гла-
шатай*

Господа своего.

(М. Цветаева)

Выставка! Выставка!

Как бы отсюда выплясать,

*Не обидев бездарного портрети-
ста?*

Я выдохнул или выдохся?

Высох ли? Вымахал?

(А. Моргунов)

Переключки в стихотворных текстах сосредоточены вокруг образа
плясуна одухотворенного и одержимого одновременно. Тема пляски в
ее решении А. Моргуновым при ироничной окраске не утрачивает ар-
хетипичности и закономерно маркируется как одно из проявлений де-
монической одержимости. По замечанию А. Махова, «сам демон мо-
жет оказаться одержимым танцем» [Махов 2006: 208]. Но в интерпре-
тации современного поэта демоническая одержимость не только всту-
пает в оппозицию с божественным, но и становится олицетворением
свободы.

Творец – Бог переосмыляется, осознается как «бездарный порт-
ретист», в этом богоборческом вызове просматривается преемствен-

ность аксиологии «исторического авангарда», где «место трансцендентного объективного (ТО) занимает не Бог (как это было в символизме) и не Искусство, Великая культура (как это было в акмеизме), а – энергия самой материи, проявляющаяся, с одной стороны, в динамических моментах внешнего мира (изменения, разрушения, движение, etc.), с другой стороны – формой этой хаотической материи является язык, рассматриваемый авангардистами также как источник “чудесного и неведомого”» [Тырышкина]. Для А. Моргунова источником чудесного становится стремление к внутренней свободе, которой лишен всякий человек и даже поэт, живущий в обществе потребления.

Поскольку в авангардном творчестве источник «трансцендентально объективного» – сам творящий субъект, создающий с помощью материи новый мир, констатация его бездарности может быть воспринята, как ирония над установкой на эгоцентризм авангардного автора.

А. Моргунов формирует новые смыслы с помощью игры с языком, что также актуализирует авангардистский характер его текста. В то же время, неоавангардистскому тексту не присуща столь сильная увлеченность формотворчеством, какая была показательна для «классического авангарда». По замечанию Н. Сироткина, диалог поэтической речи с авангардом «создаёт значения, опираясь на уже существующий язык – язык, конечно, при этом расширяется, возникают новые сферы или новые уровни, новые смыслы» [Сироткин]. А. Моргунов как неоавангардист не ставит цели кардинально обновить или же трансформировать язык, но в определенной степени тяготеет к некоторым формам речетворчества, активизирующим потенциал его поэтического слова. В анализируемом стихотворении можно выделить активное использование паронимии, элементы словотворчества («*вылясал*»), моделирование суггестивного воздействия поэтической речи. Высказывание А. Моргунова в одном из интервью в определенной степени проясняет его позицию в данном вопросе: «Для меня поэзия – это образный ответ на вопросы, которые я себе задаю. <...> Если я найду нормальных музыкантов, то мы будем делать что-нибудь движущее. Тогда я буду создавать песни, и надеюсь, у меня будет альбом, а не сборник стихотворений» [Поэт без усов]. В данном контексте вспоминается утверждение Е. Фарыно, что русскому авангардному поэту «свойственно именно петь/говорить/заговариваться. Это в первую очередь означает увлеченность не предметом речи, а речью как таковой, самим языком и актом речепроизводства» [Фарыно]. Желание А. Моргунова трансформировать свои поэтические тексты в песни, не противоречит тенденциям «исторического авангарда», а напротив, актуализирует неоавангардистский характер его поэтического творчества.

В моргуновском стихотворении современный мир обесценивается героем, воспринимается, как продажный и банальный, ошибочный, таким же он предстает и в авангардных текстах. Героя, как и авангардных авторов, интересует «мир как постоянно становящееся, но не ставшее» [Тырышкина]. Ведь моргуновский лирический двойник «*искал постоянства*», но не находил. Сам же поиск героя актуализирует мифологема блудного сына: «*Устал непрерывно скатываться, / Срываться, дичать под градусом*». Однако дикость, безумие необходимы для творчества, как элементы инспирации. Это проявляется в классическом авангардном тексте во множестве «взаимосоотносимых форм и концептов: чудесности, утопизма, дикости, безумия/зауми, архаики, примитивизма, остран(н)ения, очуждения и т. д.» [Гири 2013: 48]. У А. Моргунова же инспирация соотносится именно с дикостью, как одним из авангардных концептов. В данном плане, характерно, что автор в авангарде сближается с ипостасью шамана, ведь и «крайнее переживание шамана заканчивается экстазом, “трансом”» [Элиаде 1996: 106]. Такой медитативный, шаманический способ получения инспирации и приводит моргуновского героя к усталости.

Встреча с неправильным миром осознается героем как борьба и поиск утраченной целостности «я». Лишенный сил герой не уверен в том, что выстоит («*Я вывалюсь или выстою?*»). Но любая форма изменчивости для эстетики авангарда предстает ценностной доминантой. По мысли С. Фокиной, «метаморфоза <...> позволяет отразить измененное состояние сознания <...> Идея метаморфозы способствует самоидентификации с рядом образов, входящих в авторскую персониферу <...> Трансформации сознания лирического «я» акцентируют его многоликость...» [Фокина]. В моргуновском тексте унаследованный неправильный мир, как осознает автор, уже не исправить, не выбелить, не выстроить заново, что было установкой авангардистов. Эта установка переосмысливается, творческая деятельность осознается героем уже как сизифов труд.

В строке «Родиться рабом погибнуть» танатологические коды соседствуют с тематикой рождения, как и в сознании авангардистов «детский код отражается в коде танатологическом, и наоборот» [Гири 2013: 54]. Акцентируется детскость сознания моргуновского лирического героя, она становится не только манифестацией ощущения его особого взгляда на враждебный мир, но и связано с коннотацией его жертвенно-магического потенциала, характерного для авангардных авторов.

Такое сочетание мотивов также свидетельствует об укорененности А. Моргунова в мифологии исторического авангарда. Свобода и возможность выбора отрицаются, воспринимаются как приманка, ис-

пытание. Автор призывает к концентрации на своих ощущениях, дабы прочувствовать симулятивность и малозначимость момента, «закат общества», прогнившего в корысти. Искусство, сделанное на продажу, считается им обесцененным.

Автор цитирует текст песни «Часики» певицы Валерии («*А маленькие часики смеются...*»), иронизируя над современностью и массовой культурой, трансформируя иронию исторического авангарда над наследием XIX века. Наследуя авангардные традиции, современный поэт высвобождает эсхатологические смыслы использованных метафор. Так «ржавый гогот» – характерный образ, как для цирковой эстетики, так и является явно эсхатологическим кодом, актуализированным А. Моргуновым. В стихотворении современного поэта течение времени осознается как дьявольская игра, разворачивающаяся в цирковом пространстве, с характерными категориями карнавализации, сдвига, гротеска, эксцентрики и т. д.

Характерен и возникающий в стихотворении образ метро. Не случайно метро представлено А. Моргуновым как «двигатель революции», ведь и с семиотической точки зрения метро – это место, по замечанию Ю. Лотмана, где находятся те, «кто находятся ниже черты социальной ценности, располагаются на границе предместья, <...> на его пограничной черте. В смысле вертикальной ориентации это будут чердаки и подвалы, в современном городе – метро» [Лотман 2004: 266]. Образ метро возникает в стихотворении А. Моргунова как эквивалент пограничья, акцентируя трансгрессивный статус лирического героя. Ведь деятельность творца, в конечном счете, – сизифов труд, сам поэт, несущий революционную идею обновления, не выдерживает битву с внешним миром – его «месит ногами толпа». Стихотворение заканчивается повторами, последние строки рифмуются с названием, образуя кольцевую композицию.

В ходе анализа стихотворения были выявлены переключки моргуновской эстетики с эстетикой авангардного текста на различных уровнях:

- Для исторического авангарда эстетика разрушения неизменно была доминантой аксиологии. Эта же тенденция четко проявлена в тексте современного поэта А. Моргунова.

- Историческому авангарду присуще звуко- и словотворчество, внимание к словестной архаике и эстетизация «сдвига» – сознательно-го разрушения нормы, культивирование пограничности, как языковой, так и пограничности сознания. Внимание к пограничности языка и сознания прослеживается и в поэтике текста А. Моргунова.

- Исторический авангард акцентирует творческий потенциал хаоса, создает оптику циркизации мира: творческий потенциал соотно-

сится с образами цирка. Явная абсурдизация мира в лирике А. Моргунова, как и обыгрывание семантики, связанной с цирком, свидетельствует об авангардных чертах моргуновской поэтики.

- Эсхатологический коды, которые были актуальны для исторического авангарда, находят свое преломление в произведениях А. Моргунова.

Для исторического авангарда характерно внимание к фактору различных метаморфоз, зачастую обнажающие скрытую сущность мира, человека, вещей. Для поэтического мира А. Моргунова интересны резкие изменения, зачастую болезненные, носящие характер метаморфоз, связанные как с образом лирического героя, так и с образом мира.

ЛИТЕРАТУРА

Гирин Ю. Н. Авангард как пограничная форма культуры // Диалог со временем. – 2013. – № 24. – С. 46-67.

Гирин Ю. Н. Литература в системе культуры авангарда: автореферат дис. ... доктора филол. наук: 10.01.03 / Гирин Юрий Николаевич. – М., 2013. – 40 с.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2004. – С. 12-148.

Махов А. HOSTIS ANTIQUUS. Категории и образы средневековой христианской демонологии. Опыт словаря. – М.: Intrada, 2006. – 406 с.

Моргунов А. Поэт без усов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vk.com/art_morgunov.

Поэт без усов – поэт без просвета?: [интервью с А. Моргуновым] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ufaroom.ru/poet-bez-usov-poet-bez-prosveta-69792/>.

Сироткин Н. С. О методологии исследования авангардизма, или Эстетические отношения авангардизма к действительности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ov/ns_metod.htm.

Тырышкина Е. В. Источник инспирации в русском литературном авангарде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://avantgarde.narod.ru/beitraege/ov/et_quelle.htm.

Фарыно Е. Два слова о Цветаевой и авангарде [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.m-m.sotcom.ru/6-7/faryno.htm>.

Фокина С. А. Фактор метаморфоз в контексте эстетики русского авангарда в цикле М. Цветаевой «Сивилла» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dspace.nbuv.gov.ua/bitstream/handle/123456789/55980/33-Fokina.pdf?sequence=1>.

Цветаева М. «Н. Н. В.» [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.stihi-xix-xx-vekov.ru/cvetaeva468.html>.

Элиаде М. Мифы. Сновидения. Мистерии / перев. с англ.
А. П. Хомик. – М.: REFL-book, Ваклер, 1996. – 288 с.

Науч. руководитель: Фокина С. А., к. ф. н., доц.